

**СТРАТЕГИЯ МАНИПУЛЯЦИИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ФУТУРАЛЬНОЙ ВРЕМЕННОЙ
ОТНЕСЕННОСТЬЮ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале предвыборных дебатов начала XXI века в США)**

Т. А. Логунов

**MANIPULATION STRATEGIES IN UTTERANCES WITH FUTURE TIME REFERENCE IN ENGLISH
ELECTORAL DISCOURSE (as exemplified by U. S. presidential debates of the early 21st century)**

T. A. Logunov

В статье рассматриваются некоторые тактики, реализующие стратегию манипулятивного воздействия в специфических условиях предвыборного (электорального) дискурса. Анализируется реализация манипулятивной стратегии на материале высказываний с футуральной временной отнесенностью. Анализ осуществляется на уровне единиц дискурса и высказываний, в рамках которых происходит взаимодействие пропозиций. Отмечается, что основной схемой манипулирования адресатом в этом случае является подмена временных планов с целью нейтрализации субъективности и неопределенности.

The paper discusses some techniques of manipulating speech addressee and their implementation in utterances with future time reference within the specific conditions of electoral discourse. Manipulation strategies are realized in this case on the levels of text and sentence as interference and interaction of propositions intended at avoiding uncertainty of predictions and subjectivity of promises.

Ключевые слова: манипуляция, предвыборный дискурс, коммуникация, модальность, будущее время.

Keywords: manipulation, electoral discourse, communication, modality, future.

Понятие 'дискурс' в современной лингвистике все еще далеко от однозначности и имеет многочисленные трактовки, которые сближает, главным образом, «коммуникативный» акцент: дискурс чаще всего анализируется, следуя известному тезису Н. Д. Арутюновой, как «речь, погруженная» в определенную сферу коммуникации. По нашему мнению, заслуживает внимания концепция дискурса как «особого использования языка ... для выражения особой ментальности» [7, с. 38]. Из данного подхода отнюдь не обязательно должен следовать тезис о существовании особых «языков в языке», обладающих собственными средствами для выражения особых смыслов. На первом плане не специфический инвентарь данного конкретного 'подъязыка', совокупность его знаков, единиц, но связь между языковым произведением и «условиями его производства, внешней, специфической для него средой» [6, с. 340]. Е. И. Шейгал, например, возражает против попыток выявить «особую грамматику» в том или ином подъязыке, в частности, в языке политики, на основе тенденций к более активному употреблению определенных грамматических форм и конструкций [8, с. 20].

Если особая сфера использования языка и налагает свои ограничения на выбор и функционирование языковых средств в производимых сообщениях, то возможно говорить об актуализации потенциала языковой системы. Происходит произвольный отбор определенных черт языка, способствующих воссозданию и трансляции специфической модели мира.

Политический дискурс по определению характеризуется массовостью и доступностью, что увеличивает силу его воздействия, а также использованием скрытых приемов языкового манипулирования массовой аудиторией [1, с. 33]. Данный вид дискурса манипулятивен по своей природе, так как политическая коммуникация, в основном, реализует функцию воздействия, влияния на партнера по коммуникации, который является средством достижения целей, реали-

зации интересов субъекта. Очевидно, что воздействующая речь, хоть и «привязанная к соответствующей совокупности фактов и событий действительности... не копирует действительность, но создает интенциональную модель этой действительности» [4, с. 100]. Ведь автор не просто информирует о фактах, событиях и мнениях, но определенным образом отбирает и «сортирует» содержание сообщения, подсказывая адресату своего сообщения, возможно, даже не то, что он должен думать о том или ином событии, а то, о чем вообще он должен думать. Таким образом, цель воздействия – побудить получателя сообщения определить, подтвердить или изменить отношение к проблеме [4, с. 83].

В процессе политической коммуникации происходит «встраивание» знаний, принадлежащих автору дискурса, в модели знания его адресату; новое знание очевидно требует согласования с уже имеющимся о данном предмете у адресатов, модификации или даже полного изменения прежней модели знания [4, с. 93]. В этом отношении справедливым кажется высказывание У. Рикера о манипуляции как о таком «структурировании мира, которое позволяет выигрывать» (W. H. Riker. *The art of political manipulation*. New Haven, London, 1986) [цит. по: 5, с. 75]. Монополизируя истину и навязывая определенные, выгодные ему представления о событиях, субъект политического дискурса склоняет адресата к совершению выбора, причем выбор этот представлен как благоприятный именно для адресата.

Перспективным в этом отношении представляется исследование высказываний, относимых к будущему, в рамках особого подвида языка политики – предвыборного (электорального) дискурса. Предвыборный дискурс целиком ориентирован на предстоящее событие и, соответственно, имеет своей целью побуждение адресатов – представителей электората к конкретным действиям в будущем. Представление будущих событий во многих видах дискурса вообще имеет особый

характер: поскольку будущее существует как возможность, высказывания о будущем не могут быть верифицированы, и в силу этого не имеют независимого статуса. Вместе с тем специфика истинностного аспекта политического суждения уже давно отмечена исследователями. В языке политики сила суждения не зависит от его истинности: политическое суждение не верифицируемо логически. «Оно правдиво в той мере, в какой высказывающий его агент или группа может осуществить его» [2, с. 91].

В ходе аргументации приемы манипулятивных стратегий реализуются средствами различных уровней, но в нашем случае объектом анализа является не отдельная словоформа или номинация. «В языковом плане искажение денотата-события достигается преимущественно оперированием пропозициями в рамках целого текста, фрагмента текста или отдельного высказывания» [8, с. 20].

Материалом данного фрагмента исследования послужили дебаты и программы кандидатов на пост президента США в рамках избирательных кампаний 2004, 2008 и 2012 гг. Хронологическая ограниченность материала предполагает определенные допущения относительно применимости наших выводов, однако, отметим, что по данным наших исследований отмеченные закономерности нашли подтверждение также и на русскоязычном материале [3].

С большой долей вероятности можно предположить, что наиболее эффективной тактикой для успешной манипуляции в высказываниях политиков, когда речь идет об отнесении событий к будущему, являются подмен временных планов в рамках высказывания или более крупного фрагмента текста, за счет чего достигается уход от субъективизма и неопределенности обещаний и предсказаний. В более широком плане такую тактику можно считать своего рода аналогом приема подмены аргумента. Принципиально важной задачей автора высказывания в таком случае является нейтрализация нежелательного эффекта речевого акта обещания – пустого, неподтвержденного, зачастую нереалистичного или необоснованного утверждения о намерениях.

OBAMA: *And, as a consequence, his consistent pattern throughout his career is to fight for the little guy. That's what he's done when it comes to economic policies that will help working families get a leg up.*

Будущее не существует как реальность, но является возможностью, т. е. представленная автором дискурса ситуация является потенциальной, а потенциал ее развития заложен в настоящем или в прошлом. Система форм английского глагола обладает специальными средствами обозначения прошлого опыта, имеющего результат и потенциал последующей реализации:

McCAIN: *So the point is – the point is that I have repudiated every time someone's been out of line, whether they've been part of my campaign or not, and I will continue to do that.*

Апелляция к прецеденту прошлого опыта («если так делалось всегда, то и далее будет так же») или авторитету наличного факта – основа аргументации «от объективного». Будущее выгодно представить как элемент обобщенного настоящего с максимально широкой временной отнесенностью, т. е. распространяющегося на все временные планы («так всегда бывает: и раньше,

и сейчас, и в дальнейшем») или же представляющего ситуацию вне времени.

McCAIN: *And I will not have – I will not stand for a tax increase on small business income. Fifty percent of small business income taxes are paid by small businesses. That's 16 million jobs in America. And what you want to do to Joe the plumber and millions more like him is have their taxes increased and not be able to realize the American dream of owning their own business.*

Таким образом, высказывание частного субъекта встраивается в контекст проверенного временем обобщенного опыта, получая за счет этого уже совсем иную степень убедительности и достоверности.

Антитеза «настоящее-будущее» как противопоставление реального и нереального может сниматься за счет введения модальности. Сопоставление модализованных и немодальных пропозиций позволяет адресату высказывания по-другому оценить речевые акты обещания автора дискурса. В следующем примере отметим также параллельную оппозицию *we – they*, обыгранную за счет различного характера модальной характеристики действия, внешнее должностное («вынужденность») негативно характеризуемого оппонента и способность говорящего совершать благоприятные действия:

McCAIN: *The mayor of New York, Mayor Bloomberg, just imposed an across-the-board spending freeze on New York City. They're doing it all over America because they have to. Because they have to balance their budgets. I will balance our budgets and I will get them and I will... reduce this -- I can -- we can do it with this kind of job creation of energy independence.*

Совершенно иной акцент ставится автором высказывания в том случае, если настоящее выступает основным временным планом, тогда как будущее действие представлено лишь как отдельная деталь в представленной ситуации. Многократное использование форм настоящего времени в ближайшем контексте понижает значимость фрагмента высказывания, являющегося обещанием, на общем фоне, отвлекает внимание слушателя:

OBAMA: *Well, first of all, I think it's important for the American public to understand that the \$750 billion rescue package, if it's structured properly, and, as president, I will make sure it's structured properly, means that ultimately taxpayers get their money back, and that's important to understand.*

Очевидно, в таких случаях мы также имеем дело с применением приема скрытой оценочности. Информация субъективного характера, которая должна быть обоснована или подтверждена, прежде чем ее можно было бы рассматривать как соответствующую истине, выдается за истинную [4, с. 92]. Такой «эффект обманутого ожидания», толкающий адресатов данного типа дискурса к неожиданным для них самим выводам, отчасти снимает необходимость логичной убедительной аргументации, затушевывает грань между реальностью наличествующей ситуации и модальностью обещания.

В русле когнитивного представления таких фрагментов дискурса манипулирование с временной отнесенностью можно рассматривать как своего рода рефрейминг (с заменой слотов, отвечающих за сирконстантные характеристики ситуации). Такой подход выводит нас на уровень анализа более крупных структур оперирования информацией.

Литература

1. Бурякова В. В. Политический газетный дискурс // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: Материалы 8-го Регион. науч. семинара. Иркутск, 2005.
2. Качанов Ю. Л. Опыты о поле политики. М.: Ин-т эксперим. социол., 1994.
3. Логунов Т. А. Реализация манипулятивных стратегий в высказываниях с футуральной временной отнесенностью в электоральном дискурсе // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 18 – 21 марта 2014 г.); Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 346 – 347.
4. Локтионова В. Г. Интенциональность англоязычного публицистического текста // Стилистика и культура речи. Пятигорск, 2001.
5. Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: УРСС, 2009.
6. Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла. М., 1999.
7. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
9. The First McCain–Obama Presidential Debates 2008 Tapescript. URL: <http://www.debates.org/-index.php?page=2008-debate-transcript>

Информация об авторе:

Логунов Тимур Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ.

Timur A. Logunov – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.